

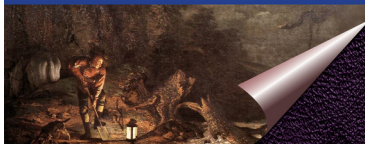
Вашингтон Ирвинг

Легенда о Сонной Лощине

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг

Легенда о Сонной Лощине

«ФТМ»

1819

Ирвинг В.

Легенда о Сонной Лощине / В. Ирвинг — «ФТМ», 1819

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

© Ирвинг В., 1819

© ФТМ, 1819

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Вашингтон Ирвинг

Легенда о Сонной Лощине

Из бумаг покойного Дитриха Никкербоккера

*Был это мир, влекущий нас в мечту
Виденье сонных глаз; манящий край
Воздушных замков в облачных грядях.
Небесной синевы летучих стай.*

Джеймс Томсон. «Замок Лени».

В глубине одной из тех просторных бухт, которыми изрезан восточный берег Гудзона, там, где река раздается вширь, – в старину этот разлив был окрещен голландскими мореплавателями Таппан-Зее,¹ причем здесь они всегда предусмотрительно убирали часть парусов и молились св. Николаю о заступничестве и покровительстве, – лежит небольшой торговый поселок, или, вернее, сельская пристань, именуемая при случае Гринсбургом, хотя точное и общеупотребительное название ее – Тарри-Таун.² Нам рассказывали, что она была прозвана так во дни оны почтенными кумушками здешнего края, отметившими таким образом застарелую склонность своих супругов застревать в базарные дни в деревенском трактире. Как бы то ни было, не ручаясь за достоверность этого объяснения, я привожу его здесь потому, что стремлюсь к точности и достоверности. Неподалеку от деревни, в каких-нибудь двух-трех милях, находится небольшая долина, или, вернее, лощина, окруженная высокими холмами и являющаяся одним из самых безмятежных и мирных уголков на всем свете. По ее дну скользит ручеек, баюкающий и навевающий дрему; случайный свист перепела да «тук-тук» зеленого дятла – вот единственные звуки, нарушающие ее неизменную тишину.

Вспоминаю, что в дни юности именно здесь, в роще, прикрывающей один из склонов лощины, среди высоких ореховых деревьев, я застрелил свою первую белку. Дело было в послеполуденный час, когда природа особенно тиха, так что меня самого испугал громкий выстрел моего ружья, прервавший торжественное безмолвие и к тому же продленный и повторенный сердитым эхом. Если я затоскую когда-нибудь об убежище, в котором я мог бы укрыться от мира и его суетности и погрезить в тиши остаток моей беспокойной жизни, то мне не найти уголка более благословенного, чем эта маленькая лощина.

Благодаря своей безмятежности и тишине, а также некоторым особенностям в характере обитателей, кстати сказать – потомков первых голландских переселенцев, этот уединенный дол издавна именуется Сонной Лощиной, и местных парней величают в окрестности не иначе, как «соннолощинскими». Кажется, будто над этой землей витают какие-то клонящие долу дремотные чары, которыми насыщен тут самый воздух. Иные толкуют, что долина была околдована в первые дни поселения одним высокоученым немецким доктором, тогда как другие настаивают, будто, еще до открытия этого края мастером Гендриком Гудзоном, здесь устраивал шабаши престарелый индейский вождь, прорицатель и колдун своего племени. Несомненно однако, что это место и поныне продолжает пребывать под каким-то

¹ Таппанское озеро (голл.)

² С трудом поддается переподу, нечто вроде: «Мешкай-город». В действительности это название является, как полагают, искажением голландского Tawen Dogr, то есть «Пшеничная гавань».

заклятием, заворотившим умы его обитателей, живущих по этой причине среди непрерывных грез наяву. Они любят всяческие поверья, подвержены экстатическим состояниям и видениям; перед ними зачастую витают необыкновенные призраки, они слышат какую-то музыку и голоса. Вся округа изобилует местными сказаниями, «нечистыми» местами, темными суевериями; над лощиною чаще, чем где-либо, полыхают падающие звезды и метеоры; водится здесь, как кажется, и ночной кошмар со всем своим многочисленным мерзким отродьем.

Главный дух из числа посещающих этот зачарованный уголок – он же, по-видимому, и главнокомандующий всего сонма воздушных сил – некий Всадник без головы. Говорят, будто это – тень одного гессенского кавалериста,³ которому в какой-то безымянной битве революционной войны пушечное ядро оторвало голову и который время от времени, словно на крыльях ветра, проносится в ночном мраке перед местными жителями. Его видят, впрочем, не только в долине, но порою и на окрестных дорогах в особенности около расположенной невдалеке церкви. И действительно, некоторые из наиболее достойных доверия историков этого края – они со всею возможною тщательностью собрали и сличили сбивчивые рассказы о призрачном всаднике – утверждают, что тело кавалериста погребено внутри церковной ограды, а дух его рыщет ночами по полю сражения в поисках оторванной головы, так что быстрота, с которою он, подобно порыву ночного вихря, мчится подчас вдоль Сонной Лощины, вызвана его опозданием и необходимостью возвратиться в ограду до первого света.

Таково, в общих чертах, содержание суеверной легенды, послужившей основой для множества странных историй, распространенных в этом царстве теней; что же касается призрака, то он известен у всех камельков округа как Всадник без головы из Сонной Лощины.

Примечательно, что склонность к сверхъестественному, о которой я упоминал выше, свойственна не только уроженцам долины, – она неприметным образом захватывает всякого, кто поживет в ней известное время. Как бы трезв и рассудителен до переселения в эту дремотную местность ни был пришелец, можно не сомневаться, что в скором времени он тоже подпадет влиянию чар, носящихся в воздухе, и станет великим мечтателем – будет подвержен видениям и грезам.

Я упоминаю об этом тихом и безмятежном уголке со всяческой похвалой; в этих маленьких забытых голландских долинах, разбросанных по обширному штату Нью-Йорк, ни население, ни нравы, ни обычаи не претерпевают никаких изменений. Великий поток переселений и прогресса, непрерывно меняющий облик других областей нашей беспокойной страны, проходит здесь совсем незамеченным. Долины эти подобны крошечным заводам у берегов бурных ручьев, заводам, где можно видеть, как соломинка или пузырек воздуха стоят себе мирно на якоре или медленно кружатся в игрушечной бухточке, не задеваемые порывом проносающегося мимо течения. И хотя с тех пор, как я бродил среди дремотных теней Сонной Лощины, миновало немало лет, я все еще спрашиваю себя, не произрастают ли в ее богоспасаемом лоне все те же деревья и те же семьи?

В этом затерянном уголке, в отдаленный период истории Штатов, иначе говоря – лет тридцать назад, проживал весьма достойный молодой человек по имени Икабод⁴ Крейн, который поселился, или, как он имел обыкновение выражаться, «задержался» в Сонной

³ Во время освободительной войны американских колоний (1775–1783), закончившейся отделением этих колоний от Англии и образованием Соединенных Штатов Америки, в рядах английских войск сражались довольно многочисленные отряды гессенцев, «уступленных» англичанам, разумеется, за известную мзду, герцогом Гессен-Дармштадтским (Германия).

⁴ Икабод – редко встречающееся мужское имя библейского происхождения, обозначающее в переводе с древнееврейского «несчастливый», «бедняга».

Лощине в целях обучения окрестных детей. Он происходил из Коннектикута – штата, который, снабжая всю федерацию пионерами не только в обычном смысле этого слова, но и такими, что вспахивают мозги, ежегодно шлет за свои пределы легионы корчующих пограничные леса колонистов и сельских учителей. Фамилия Крейн⁵ довольно хорошо подходила к его наружности. Это был высокий, до крайности тощий, узкогрудый и узкоплечий парень с большими руками и такими же точно ногами: кисти рук вылезали у него на целую милю из рукавов, ступни легко могли бы сойти за лопаты, да и вся фигура его была на редкость нескладной. Он был обладателем крошечной, приплюснутой у макушки головки, огромных ушей, больших зеленых и как бы стеклянных глаз, длинного, как у кулика, носа – ни дать ни взять флюгер в образе петушка, красующийся на спице и указывающий направление ветра. Когда в ветреный день в раздувающейся, как парус, одежде он крупными шагами спускался по склону холма, его можно было принять за сходящего на землю гения голода или пугало, сбежавшее с кукурузного поля.

Его школа представляла собою низкое, сложенное из бревен здание, состоявшее из единственной большой горницы; окна ее были частью застеклены, частью заклеены листами старых тетрадей. В часы, когда не было занятий, школа охранялась при помощи прикрученного к дверной ручке ивового прута и подпирающих оконные ставни кольев, так что вора, которому было очень легко проникнуть в нее, ожидали при выходе некоторые препятствия. Вполне возможно, что идея этого хитроумного приспособления была внушена строителю школы Иосту ван Гуттену таинственным устройством снасти для ловли угрей. Школьный дом был расположен в глухом, но красивом месте. Он стоял у подножия поросшего лесом холма; поблизости протекал ручеек, и тут же росла устрашающего вида береза. В знойный летний день, когда, кажется, засыпает сам воздух, оттуда доносился приглушенный гул – ученики Икабода зубрили уроки, – напоминавший жужжание пчел и прерываемый время от времени властным окриком самого наставника (то было приказание или угроза), а при случае и жутким свистом березовых прутьев, подгонявших какого-нибудь бездельника, замешкавшегося на усыпанной розами стезе знания. Необходимо отметить, что наш педагог был человек добросовестный и постоянно хранил в памяти драгоценное правило: «Кто жалеет розгу, тот портит ребенка». Ученики Икабода Крейна, поверьте мне, испорчены не были.

Тем не менее я отнюдь не считаю, что он принадлежал к числу тех жестокосердых школьных владык, которые находят удовольствие в истязании своих подданных; напротив, он отправлял правосудие, вникнув в существо дела, а не сплеча; например он освобождал от наказания зады тщедушных и перекладывал его на ту же часть тела физически сильных учеников. Он миловал шуплого, несчастного паренька, вздрагивающего при малейшем взмахе лозы, но справедливость при этом ничуть не страдала: она вознаграждалась двойной порцией розог, всыпанных какому-нибудь коренастому, крепкому, упрямому и надоедливому пострелу, который под лозой хмурился, пыжился и становился все упрямее и угрюмее. Он называл это «исполнить свой долг пред родителями» и никогда не налагал наказания без весьма утешительного для наказуемого заверения в том, что «он будет помнить и благодарить его до конца своих дней».

Впрочем, по окончании школьных занятий Икабод становился другом и приятелем старших мальчиков и делил их забавы и игры, а в праздничные дни провожал по домам малышей, особенно тех, кому выпало счастье иметь миловидных сестер или славящихся своей хозяйственностью мамаш, относительно которых было известно, что полки у них битком набиты всякими яствами. И в самом деле, ему приходилось поддерживать добрые отношения с учениками: доход от школы был настолько ничтожен, что его едва хватило б на хлеб

⁵ Крейн (Crane) – журавль (англ.)

насущенный, ибо Икабод был обладателем отменного аппетита и, невзирая на худобу, отличался не меньшей, чем анаконда,⁶ способностью увеличиваться в объеме. Итак, дабы поддержать себя, он столовался и обитал, в соответствии с местным обычаем, у тех фермеров, дети которых у него обучались. Прожив в каком-нибудь доме неделю, он переселялся затем в другой, таская с собою все свое достояние, уместившееся в бумажном платке, и обходил таким образом всю округу.

Но чтобы это не было слишком тяжелым налогом для кошелька его хозяев-крестьян, склонных рассматривать расход на содержание школы как непосильное бремя, а учителя как лентяя и трутня, он прибегал к различным уловкам, имевшим целью показать, что он в такой же мере полезен, как и приятен. При случае он помогал фермерам по хозяйству: ходил с ними на сенокос, чинил изгороди, водил на водопой лошадей, пригонял коров с пастбища и пилил дрова для зимнего камелька. Он забывал в этих случаях о непогрешимом авторитете и об абсолютной власти, которыми пользовался в своем маленьком государстве — у себя в школе, и превращался в олицетворение любезности и обходительности. Лаская ребятешек, и особенно младших, он умел снискать благосклонность в сердцах матерей и, подобно свирепому льву, во время оно баюкавшему ягненка, часы напролет просиживал с каким-нибудь малышом на колене, мерно раскачивая ногой колыбельку.

При всех своих прочих обязанностях он был также регентом и клал в карман немало блестящих серебряных шиллингов, обучая местную молодежь пению псалмов. Он преисполнялся гордости и тщеславия, когда по воскресным дням занимал свое место на хорах церкви, впереди группы отборных певцов; стоя здесь, он считал в глубине души, что пальма первенства принадлежит бесспорно ему, а не священнику. Его громовой голос заглушал голоса всех молящихся, и до сих пор в этой церкви можно услышать какие-то странные рулады и завывания. Да что в церкви! Их можно услышать даже за полмили отсюда, по ту сторону мельничного пруда; утверждают, будто они являются прямыми потомками тех самых рулад и тех завываний, которые когда-то издавал Икабод. Так, с помощью маленьких хитростей и уловок, или, как говорится, «всеми правдами и неправдами», наш достопочтенный педагог зарабатывал, надо сказать, недурно, и всем, кто не имеет ни малейшего представления об усилиях, требуемых интеллектуальным трудом, казалось, что ему в удел досталась поразительно легкая и беззаботная жизнь.

Сельский учитель — обычно лицо, пользующееся известным уважением и весом среди женской половины деревни; на него смотрят, вообще говоря, как на белоручку, как на человека, в какой-то мере близкого к господам, несравненно более образованного и тонкого в обращении, чем грубые деревенские парни, и уступающего в учености разве только священнику. Его приход в дом поэтому способен вызвать некоторый переполох за чайным столом у фермера — добавление сверхштатного блюда в виде пирожного или сластей или при случае даже появление на столе серебряного парадного чайника. Нашему ученому мужу, в силу этих причин, чрезвычайно везло также на улыбки окрестных девиц. О, какая картина открылась бы нашему зору, если б нам удалось взглянуть на него в перерывах между воскресными службами, когда он блистал в их обществе на церковном дворе! Он срывал для них гроздь дикого винограда, обвивавшего стволы растущих вокруг деревьев, читал все без исключения могильные эпитафии и прогуливался, окруженный их стайкой, вдоль берега примыкающего к кладбищу мельничного пруда, в то время как робкие деревенские увальни глупо плелись позади, лопаясь от досады и завидуя его ловкости и развязности.

Благодаря полубродячему образу жизни он являлся к тому же своеобразной «странствующей газетой» и переносил из дома в дом полные короба местных сплетен, так что его

⁶ Анаконда (род удава) — название самой крупной змеи Южной Америки, проглатывающей зараз огромное количество пищи.

всегда встречали не без известного удовольствия. Сверх того, женщины уважали в нем человека необыкновенной начитанности, ибо он прочитал от строки до строки несколько книг и знал наизусть «Историю колдовства в Новой Англии» Коттона Мезера, в непогрешимость которой, кстати сказать, верил всю душой.

В общем, он представлял собою причудливое соединение лукавства и простодушия. Его страсть к сверхъестественному и способность переваривать эти неудобоваримые вещи были воистину поразительны, причем оба названных свойства укреплялись в нем по мере пребывания в этой зачарованной местности. Для его прожорливой глотки не существовало ни слишком грубой, ни слишком нелепой басни. Как часто и с каким наслаждением, окончив после полудня занятия в школе, растягивался он на пышном ложе из клевера у берега маленького, журчащего около школьного здания ручейка и предавался здесь изучению старинных, полных ужасов повестей Мезера, пока сумерки не обволакивали печатную страницу непроницаемой сеткою мглы! И потом, когда он направлялся мимо болот, ручья и жуткого леса к дому того фермера, где на этот раз стоял на постое, всякий звук, всякий голос природы, раздававшийся в этот заколдованный час, смущал его разгоряченное воображение: стон козодоя, несущийся со склона холма, кваканье древесной лягушки, этой предвестницы ненастья и бури, заунывные крики совы или внезапный шорох потревоженной в чаще птицы. И даже светляки, которые ярче всего горят в наиболее темных местах, время от времени, когда на его пути внезапно вспыхивала особенно яркая точка, заставляли его испуганно останавливаться. А если какой-нибудь бестолковый жук задевал его в своем несуразном полете, бедняга готов был испустить дух от страха, считая, что он отмечен прикосновением колдуна. Единственное средство, к которому он прибегал в таких случаях, – то ли чтобы освободиться от мучительных мыслей, то ли чтобы отогнать злые силы, – состояло в распевании псалмов, и простодушные обитатели Сонной Лощины, сидя вечерами у порога домов, не раз содрогались от страха, слушая его гнусавые мелодии, непрерывные и бесконечные, доносившиеся с далекого холма или со стороны окутанной мглою дороги.

Вторым источником, откуда он черпал свои жуткие наслаждения, были долгие зимние вечера, которые он проводил со старухами-голландками: они сидели у огня, пряли свою вечную пряжу, в печи лопались и шипели яблоки, а он слушал их рассказы о духах, призраках, нечистых полях, нечистых мостах, нечистых ручьях и в особенности о Всаднике без головы, или, как они порою его величали, Скачущем гессенце из Лощины. Он в свою очередь услаждал их историями о колдовстве, зловещих предзнаменованиях, дурных приметах и таинственных звуках, обо всем, чем в начале заселения кишмя кишел Коннектикут, и пугал их почти до бесчувствия рассуждениями о кометах, падающих звездах и сообщением тревожного факта, что земля, безусловно, вертится и что половину суток они проводят вниз головой. Но если, уютно примостившись у камелька, – комнату в таких случаях озаряло багровое пламя потрескивающих в очаге дров, и сюда, разумеется, не посмел бы показать нос ни один призрак, – Икабод испытывал от всего этого бесконечное удовольствие, то при последующем возвращении к себе домой ему приходилось расплачиваться ужасными страхами. Какие только жуткие тени и образы не подстерегали его среди тусклого и призрачного освещения вьюжной ночи! С какою тоскою поглядывал он на мерцающий в далеком окне и скользящий над пустынной равниною огонек! Сколько раз останавливался он, полумертвый от страха, перед запорошенным снегом кустом, который, точно привидение в саване, преграждал ему путь! Сколько раз леденел он от ужаса, заслышав на мерзлом снегу свои собственные шаги и боясь оглянуться назад, чтобы не обнаружить у себя за спиной какое-нибудь чудовище, преследующее его по пятам! Сколько раз, наконец, порыв завывающего между деревьями ветра доводил его почти до потери сознания, ибо ему чудилось, что это мчащийся во весь дух гессенец, который, как всегда в эту пору, рыщет в поисках своей головы.

Все это были, впрочем, не более как обыкновенные, порожденные ночью страхи, фантомы блуждающего во тьме воображения. И хотя во время этих одиноких ночных прогулок ему довелось повидать немало различных духов и даже сталкиваться с самим сатаной в его неисчислимых обличьях, все же дневной свет приносил конец злоключениям подобного рода. На зло дьяволу со всеми его проделками Икабод Крейн прожил бы, вероятно, спокойную и счастливую жизнь, не повстречай он на своем пути существа, доставляющего смертным неизмеримо больше хлопот и мучений, нежели духи, привидения и вся порода волшебников и чародеев, взятая вместе. Этим существом была женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.